

Павел Брычков

«Охота на волков»

Командировка по срокам две недели как перевалила за середину, сегодня уже последний день января, а у майора милиции Василия Головенко, командира омского отряда, убеждение, что главное в этой командировке еще впереди, только укрепилось. Еще 8 декабря 99-го, когда он со своей сотней бойцов прибыл в Алхан-Юрт, ему почему-то сразу подумалось, что они могут оказаться на пути прорыва боевиков, и он старался внушить это своим омовцам. Впрочем, всем это было понятно и так: бои за Грозный весь январь были горячие, канонада этих боев доносилась и даже сюда, а по ночам в разных частях города небо светлело от пожаров. За полтора месяца они превратили двухэтажную школу на северной окраине Алхан-Юрта в маленькую крепость, оборудовав огневые позиции по углам плоской крыши и огородившись по периметру цепью окопов.

Сменили они в этой школе своих земляков, омских омовцев под командованием подполковника Коваленко. Но те простояли в школе только четыре дня и укрепиться как следует не успели. Командировка «коваленковцев» почти вся прошла на колесах. Началась она в Ногайских степях. Оттуда вместе с войсками омовцы прошли весь север Чечни, очищали Валерик, Ачхой-Мартан и уж только после этого пришли в Алхан-Юрт.

И это убеждение, что именно на этом направлении что-то должно произойти важное, еще более укрепилось, когда в середине января в Алхан-Юрт приехал из штаба войсковой группировки «Запад» на рекогносцировку около десятка офицеров, точнее, офицеров и генералов. Хотя и были они все без знаков различия, но по отдельным репликам Головенко понял, что в группе в основном полковники и генералы. Они поднялись к нему на крышу и долго рассматривали в бинокль пойму реки Сунжи, которая была заминирована. До реки было километра три. Потом сели в МТЛБ и двинулись к реке, проехав вдоль правобережной части поймы, направились в расположение 242-го мотострелкового полка, стоявшего на левом берегу и столь основательно оседлавшего высоты возле поймы, что боевикам мимо них было не пройти. Головенко такое соседство вполне устраивало. А в чернореченском лесу недалеко от нефтеперегонного завода стоял 15-й мотострелковый полк, державший возможное направление прорыва боевиков и мост через Сунжу. Штабисты дали Головенко целеуказания на случай прорыва и сказали, что на одном из направлений находится взводный опорный пункт полка, и надо, чтобы он, Головенко, съездил туда и узнал точно, где находится этот опорный пункт.

Он поехал искать этот взводный опорный пункт на своем узике с четырьмя омовцами в сторону нефтеперегонного завода, мимо высоких цилиндрических емкостей, наполненных, говорят, хлором. Соседство не из приятных! Успокаивало лишь то, что нефтеперегонный завод не трогали ни наши, ни боевики и он гордо стоял уже вторую войну, выделяясь своей ажурной арматурой, серебристыми огромными шарами и цилиндрами с овальным верхом. Значит, кому-то был нужен! Так же как удивительным было видеть среди разрушенных домов Грозного нетронутое здание банка...

Они не сразу нашли опорный пункт, а когда подъехали, то были взяты армейцами на прицел, грозными окриками им было велено положить оружие, и лишь после этого к ним подошел прапорщик и, проверив документы, проводил к КШМ, где было полковое начальство. Переносить опорный пункт командир полка не собирался, сказал, что сектор они прикроют сами, и Головенко, отметив на карте точное местоположение армейского блокпоста, уехал к себе.

А неделю тому назад неожиданно снялся и ушел со своих позиций 242-й полк. На совещании в комендатуре в Урус-Мартане Головенко высказал недоумение по этому поводу, сказал, что в случае чего они останутся один на один с прорывающимися боевиками и те спокойно пройдут по левому берегу, до которого им из стрелкового оружия не дотянуться. Комендант сказал ему, что полк сняли ввиду угрозы прорыва боевиков на Шалинском

направлении, пусть-де он не волнуется, если что, ему помогут. Тем более что левобережная пойма пристреляна гаубичной батареей, которая стоит тут, рядом с Урус-Мартаном. Это было действительно так. Еще до начала минирования поймы к ним на ПВД прикрепили артнаводчика и восьмерых солдат с рацией, и те пристреляли гаубицы по квадратам поймы. Хотя батарея находилась в восемнадцати километрах, снаряды ложились точно, так что артнаводчик после каждого разрыва удовлетворенно повторял: «Как тут и была!»... Придан им был еще и взвод разведки с двумя станковыми гранатометами АГС-17, которые были установлены на крыше школы.

Сегодня, 31 января, отряд Головенко по указанию комендатуры проводил зачистку Алхан-Юрта. Особенного ничего не нашли, лишь несколько человек без документов сдали чеченской милиции. В помощь придали две бээмпэ, бэтээр и танк, который стоял, сначала прикрывая дорогу на Грозный, а когда зачистка заканчивалась, зачем-то съехал от окраины поселка в пойму и застрял там. Командир экипажа с включенной рацией долго материл водителя танка, а потом так же долго вызывал «Клин» – комендатуру – и просил, чтоб ему прислали тягач или танк. Но никто на помощь к нему не пришел, и танк так и остался стоять в пойме на ночь вместе с экипажем.

Бээмпэшки и бэтээр остались возле моста через речушку Мартан недалеко от блокпоста омовцев, южнее Алхан-Юрта на перекрестке дорог на Грозный и Урус-Мартан.

Вечером после отбоя Головенко зашел в дежурную часть, бывшую на первом этаже, потом попробовал заснуть, но не смог – слишком крепкого чаю напился, что ли? Оделся, поднялся на крышу проверить посты. Глянул на часы. Был уже первый час ночи. На третьем посту, что был на углу школы, у бойницы за мешками с песком сидел за пулеметом ПК Слава Кирюхин.

– Ну, как дела? – спросил его Головенко.

– Нормально, товарищ майор! – весело ответил Кирюхин и похлопал по прикладу пулемета ладонью. – «Красавчик» не дремлет!

В это время за Сунжей в пойме раздалось несколько взрывов. В ночной темноте вспыхнули и тут же погасли яркие оранжевые бутоны. «Мины», сразу определил Головенко и приложил к глазам бинокль. В свете новых вспышек-разрывов увидел множество мечущихся фигурок. Включил «Вертекс» и вызвал своего начальника штаба Александра Кравченко:

– 201-й, я 200-й! Общая тревога! Всем занять боевые позиции!

А за рекой вспышки и разрывы становились все чаще и чаще. Минут через десять вдруг вся пойма осветилась, в черное небо, будто фейерверк, взвились столбы огня, замкнувшего на мгновение широким желтым обручем почти всю левобережную пойму так, что даже стали видны на миг прорезавшие ее линии проток, вдоль которых бежала сплошным потоком людская масса.

Следом послышалась пулеметно-автоматная стрельба, весь левый берег покрылся желтыми мерцающими звездочками-вспышками. Высота, над ложиной, где стоял 242-й полк, также оцетинилась вспышками автоматов и пулеметов, оттуда же заухали пушки бээмпэшек. А на этой стороне ожил танк и начал часто класть снаряд за снарядом на противоположный берег. Потом он попятился, поменял позицию и продолжил стрельбу. «Черт! Он и не застревал!» – подумал Головенко и тут же догадался, для чего сняли неделю назад 242-й полк: боевиков просто заманивали сюда!

Головенко вызвал по рации артнаводчика и весело крикнул ему:

– Ну давай, Володя, подключай свою тяжелую! Самое время!

И услышал виновато-растерянный голос:

– Я уже связывался с ними... Они говорят, что у них снарядов нет!..

– Куда они делись? Что за херня?

– Не знаю...

Головенко спустился в дежурную часть и связался с комендатурой. Доложил о том, что «духи» пошли на прорыв, и получил задачу, которая была и так понятна: не пропускать с

юга к ним помощь и, если кто переберется на правый берег, уничтожить. Он вновь поднялся на крышу, приказал Кирюхину дать несколько пулеметных очередей правее здания автосервиса, потом встал к АГС и послал несколько выстрелов в сторону реки. ВОГи разорвались на этом берегу. Недобирают АГСы, до прорывающихся боевиков больше трех километров. Велел принести снайперскую винтовку В-91 «Антиснайпер» и, лоя в оптический прицел при свете разрывов «духов», несколько раз выстрелил. Эта винтовка уж точно доставала. Когда его вызвала на связь комендатура, запрашивая обстановку, он передал винтовку Василию Романову, чтобы тот поработал.

Всю ночь они так и провели в нервном бдительном ожидании возможного появления «духов» на правом берегу с тревожащими обстрелами по разным секторам, и все это время на противоположном берегу периодически вспыхивала ожесточенная стрельба и все так же, но только реже, раздавались разрывы и вспышки мин. По всему, боевики продолжали выходить, но уже лишь отдельными группами.

Ранним утром в шестом часу уже было видно, как последние из них шли по проторенным уже следам, прячась от обстрела, шли по дну прорезавших весной пойму вдоль реки сухих протоков и, пробравшись к жерлу бетонной трубы в железнодорожной насыпи, исчезали на другой стороне и спешили в сторону Алханкалы догонять основной отряд, пробившийся через минные поля, которые оказались слишком узкими, чтобы удержать такую людскую массу...

В шесть часов Головенко построил личный состав на втором этаже и проверил все ли на месте. После переключки пошел в дежурную часть и стал обсуждать с начальником штаба капитаном Кравченко, когда лучше произвести смену на постах из-за бессонной ночи. И тут неожиданно услышал взрыв рядом со школой со стороны стадиона, сразу же – через несколько секунд во дворе перед школой и еще через такой же интервал почувствовал, как здание школы содрогнулось – третий снаряд ударил где-то в стену наверху. Он побежал на второй этаж, и первое, что увидел, – выбитую дверь из комнаты, где он только что проводил переключку. Поняв, что туда прилетел снаряд, он ужаснулся: «Всех бы положило!». Рядом с дверью сидел, обхватив голову, Юра Батулин, которого выбило из комнаты разрывом вместе с дверью. Бледный Вася Романов, зажимая ладонями раненую ступню, пробормотал:

– Олега Белова сильно зацепило!

Раненых оказалось пять человек. Белову вырвало глубоко мышцу бедра так, что перетянуть и остановить кровотечение было сложно. Пока врач его перевязывал, Головенко подошел к окну, через которое влетел снаряд, и сразу понял, что им еще сильно повезло: перед окном снаряд ударил в сук тополя и срезал его, взрыватель сработал, а осколки от верхнего бетонного косяка окна под углом пошли в комнату, как раз в сторону койки, на которой лежал Белов. Головенко вспомнилось, что обычно тот спал на другой койке, и он спросил Романова, почему Белов не на своем месте.

– Да стали мы ложиться, а он говорит: ты храпишь, пойду я от тебя подальше...

Снаряд явно прилетел со стороны якобы застрявшего в пойме танка. Головенко связался с ним и закричал:

– Какая сволочь в нас стреляла? Вы нас чуть всех не положили!

– Да не стреляли мы по вам! – клялись из танка.

Головенко связался с комендатурой, попросил, чтоб срочно выслали вертолет, а сам вызвал бэтээр, который стоял недалеко от их блокпоста, погрузили в него раненых и, подъехав к блокпосту, стали ждать вертолет. Минут через десять появилось два вертолета. Головенко связался с ними, но они отказались садиться, заявив, что в зону обстрела они не садятся...

Пришлось трястись в Урус-Мартан на бэтэере. По пути у него закипел радиатор и пришлось подливать воды.

Когда приехали в Урус-Мартан, Олег Белов начал терять сознание. В госпитале занесли его в хирургическую палатку. Головенко вышел из палатки и стал ждать возле

бэтэра, когда перевяжут Романова и Меньшикова. Минут через десять, прихрамывая, вышел Вася Романов и упавшим голосом сказал:

– Олег умер!

– Как умер? Только что был жив!..

Головенко вбежал в палатку.

– Быстро переносите его в палатку реанимации! – крикнул хирург

Головенко с омовцами перенесли Белова в соседнюю палатку. После массажа сердца, появился пульс. Наложили кислородную маску, поставили систему.

– Ну что, будет жить? – спросил Головенко хирурга.

– Будем надеяться... – хмуро ответил тот. – Много крови потерял.

Но надежды не оправдались... Белов умер.

Это был первый омский омовец, погибший в Чечне.

Из интервью генерала Владимира Шаманова газете "Завтра"

– Значит, операции «Охота на волков» не было, хотя, уверены, в военной истории она останется под таким названием и будет связана с вашим именем. А что было?

– Было следующее. Удалось поставить три полосы минных полей, причем первая полоса – управляемая. Честно говоря, мы не ожидали, что такое количество бандитов пойдет в нашу сторону. Мы ждали человек 300, ну 500 максимум. Потому что считали, что главные силы с Басаевым и Хаттабом пойдут на Шали – Сержен-Юрт – Ведено. Там на достаточно широком фронте оборонялся всего один полк, то есть промежутки между подразделениями были. Но того, что произошло, – никто не предвидел.

Мы организовали систему наблюдения, по обоим берегам Сунжи у нас стояли два полка, и стали ждать. Где-то в половине первого ночи показался отряд. Как мы и предполагали, впереди у них шла группа обеспечения. Под дулами автоматов шли наши русские мужики и перед собой катили бочки с камнями, как минные тралы. А позади, как эсэсовцы, с автоматами наперевес шли чеченские боевики. Прошли первую, управляемую, полосу и вдруг, не знаю почему, остановились. И стояли так минут 30-40. Честно говоря, мы уже начали нервничать. Неужели они учуяли? Или где-то срыв информации вышел? Но они двинулись дальше, я теперь полагаю, что они связывались со своими, мол, все в порядке, можно идти. И вот когда они вышли на вторую линию, к ним начал подходить отряд человек 300. И тут пошли первые подрывы. Соответственно, оцепенение, паника. Началось шараханье. И в это время произошло то, чего мы не ожидали, – появился отряд человек в 800. Понимаете, это достаточно ограниченное пространство: слева река Сунжа, справа – высоты. И когда подошло еще 800, то на этом пятачке, который всего-то в диаметре метров пятьсот-шестьсот, сразу оказалось около тысячи боевиков. Тогда взорвали первую полосу управляемых минных полей. Бандиты оказались в котле. И тут же по всему скоплению стали бить артиллерией. Стреляли с этого и противоположного берега Сунжи. Молодцы командиры подразделений, сумели выдержать – до команды не открывали огня.

И вот вся эта масса двинулась на минные поля. Тут принцип стадности сыграл: первых гнали вперед последние, а последних увлекали за собой первые. Это котел, внутри которого был хаос и неразбериха. Более 500 боевиков, не считая тех, чьи тела вынесли, остались лежать на минных полях.

Короче говоря, потери были столь мощными, что бандиты заскочили в Алхан-Калу (Ермоловку) и закрепились там. Здесь, откуда ни возьмись, вылез Гантамиров, и, помните, в течение дня были какие-то переговоры с небезызвестным Асланбеком Абдулхаджиевым – Асланбеком Большим. Это правая рука Басаева по теракту в Буденновске. Я был категорически против этих переговоров. Сразу было видно, что бандиты блефуют, дабы потянуть время и набраться сил, что реально и подтвердилось. Бандиты продекларировали, что они, общей численностью 800 человек, готовы сдать. В итоге сдалось всего 30 человек раненых, и то без оружия. Вот весь улов переговорных мероприятий. Хотя в Алхан-Кале их

скопилось около 1000 человек, включая тех боевиков, которые были там забазированы. Нужно было просто заблокировать село, как Комсомольское, и уничтожить боевиков.

– *Тогда бы война давно закончилась.*

– Ну вот, а вместо этого началась операция преследования, которая шла восемь суток и завершилась в предгорьях, в населенном пункте Гехи-Чу. В итоге было уничтожено около 3000 бандитов. Вот и судите, была операция «Охота на волков» или не было.

Из дневника пленного боевика

«Мы шли на Ермоловку (Алхан-Калу) через минное поле. Шамиль Басаев, Леча Дудаев, Хункарпаша Исрапилов, Жим Асланбек, Межидов Абдул-Малик шли впереди колонны. И мы попали в засаду... Нас начали обстреливать с двух сторон БМП, пулеметы, АГС. Разбегаясь, мы наступали на мины. Многим оторвало ноги. Один упал прямо на мину, и ему разорвало грудь. Только с помощью всевышнего нам удалось перебраться.

Но там мы понесли серьезные потери. Шамилю Басаеву оторвало ногу. Абдул-Малик тоже получил серьезное ранение. Леча Дудаев, Жим Асланбек, Хункарпаша погибли. И еще очень много шахидов. (Шахид – воин, павший за веру.)

Этой ночью мы, мокрые и усталые, дошли до Ермоловки (Алхан-Калы) и заночевали там».